

Одно из стихотворений Жаннаталапа Нуркенова – поэта, строителя, журналиста – начинается словами: «Любить, наверно, не отвыкну...» В них в полной мере отражается характер мироощущения этого замечательного человека и талантливого поэта. «Он любил жизнь во всех её проявлениях и всегда верил в лучшее, она бурлила в его поступках и стихах. Он обладал умением расцвечивать всеми красками мир, в котором жил, делая его щедрым и приветливым», – писал о нём поэт Виктор Семерьянов.

У каждого талантливого поэта своё, неповторимое видение мира. У Жаннаталапа Нуркенова первоосновой мира, его сущностным первоначалом является природа. Он прежде всего певец необъятной вольной степи, породившей в душе такое же представление о мире, широком и свободном, мире, в который они рвутся вместе с другом, списанным из армии вороньим конём: «кинулись мы в степь из улиц узких». Для поэта степи и родного Иртыша, как и для его жаворонка-караторгя и для степных кюев, «нету музыки без солнца».

Жаннаталап НУРКЕНОВ (1940–1997)

ВСЕМ ПО СОЛНЫШКУ РАЗДАМ

Первоклассник

Сегодня он почти как взрослый:
Серьёзный, строгий, деловой.
На любопытные вопросы
Едва кивает головой.
Сестра ещё совсем мала,
И ей не всё понятно,
А у него теперь дела –
Быть взрослым так приятно!
Пенал, дневник, карандаши
Проверены. Доволен.
Он лето целое спешил –
Жил мыслями о школе.
И вот теперь пришла пора,
Пришла пора весёлая –
Сегодня выйдет со двора
И скажет: – Здравствуй, школа!

Пикульки

Далёкий день далёких лет.
В зените детство и жара.
Краюха хлеба на обед
Для всех мальчишек со двора.
А в палисаднике с акаций
Свисали взбухшие пикульки –
Наш инструмент без вариаций:
Из них мы делали свистульки.
О, как пронзительно свистел
Наш музыкальный примитив!
Кого он звал? Чего хотел?
Незауряднейший мотив!
Да, это было так давно,
Впервые мы свистели вдоволь.
А в каждом доме за окном,
Глядя на нас, вздыхали вдовы.

Маме

И снова ветер бьётся в рамы,
А зимний вечер так тягуч...
Придёт с работы скоро мама –
И словно солнце из-за туч.
Хотя ей было не до ласки:
Война, и нас четыре рта,
Она волшебницей из сказки
Для нас во всём была тогда.

Войдёт, суровая, как сводка
Информбюро в сорок втором.
Её усталая походка –
Начало четырёх дорог.
В печи огонь упруг и весел,
Она задумчиво глядит...
Ну, улыбнись же, ну, засмейся –
Всё позади! Всё позади!

Заскобленный до блеска столик
Похлёбками неотразим.
Теперь узнал, чего он стоил –
Тот тёплый стол холодных зим.
Щедра у матери рука
И всех наделит равной мерой.
Достала где-то молока –
Вступал наш старший в пионеры.

Прошли года. Всё реже, реже
Бьёт в память отзвук тяжких зим.
Душа у мамы, как подснежник,
Сквозь холод нежностью сквозит.

Комбайн

В советское время школьники собирали и сдавали металлолом, а потом появлялись сообщения, что из металла, собранного пионерами, создан памятник, построен комбайн и многое другое.

Мама, я машину видел:
Красная и сильная!
Я сказал соседке Лиде,
Что сенокосильная.
А вот Коля тёти Таин
Говорит и ей и мне:
«Мальши, смотри, комбайн –
Наш подарок целине».
А ещё сказал потом,
Что сдавали в школе лом.
Мама, правда, если сдать
Все кастрюли и кровать,
Вот как Коля тёти Таин,
Мама, нам дадут комбайн?

Водовоз

Ещё мальчишкой-школьником Ж. Нуркенов на каникулах работал – возил воду в больницу на лошади (водопроводов в городе не было). В этом стихотворении его детские впечатления.

В Иртыш въезжает детство малыша.
Ведро к шести прилажено нехитро.
Вопрос воды уж скоро разрешат,
Пока ж вожу по девяносто литров.
Там воду ждут старухи-прачки,
Больные ждут (работаю в больнице).
Жара! У сторожей свои собачки –
Язык вот-вот – и должен отвалиться.

Вожу я воду – так приходится.
Какие вожжи – просто загляденье!
Ну а лошадка – иноходец!
Вот жаль на сбрую не хватает денег.
Подковы кованы – по мостовой
Единственной булыжной – цок-цок-цок!
А я над бочкой с детской головой
Везу свое счастливое лицо.

У болота

В такое утро только петь
И славить мятный вздох рассвета,
Лежать в траве и в синь смотреть,
И с облаками плыть над летом.
...Щенок стоял среди болота,
Смотрел доверчиво в глаза.
А между глаз чернело что-то,
Откуда лязгнула гроза.

Но надо ж так: по этой ряби
Бежал за утками, гоня,
И невзначай одну поранил,
Её за дикую приняв.
Сосед на выкрики утиные
Со злом напутствовал сынка,
И над болотом, как из тины,
Поднялся тот с ружьем в руках.

...Щенок не верил, что он падал.
Последний судорожный шаг...
Ни вёсен... зим... ни листопада...
Ни свиста крыльев в камышах...

Стрелок доволен: знай, мол, наших!
Не трожь моё! Отвоевал.
А над щенком, в то утро павшим,
Склонилась горестно трава.

Лужи

Лужи!
Лужи у окон!
Десять луж зеркальных!
И лежит в них десять солнц –
Хоть бери руками.
Коля первый увидел,
Со двора созвал мальчишек –
Всем по солнышку раздал.

Листопад

Листопад, листопад –
Всякий: красный, жёлтый...
Папа, пап, не наступай,
Очень уж тяжёлый ты.
Всё равно засыплет всё
Белыми снегами.
Дай ладони, унесём
Осень нашей маме.

Первый иней

Иней выпал. Торжество!
Белое веселье!
И над жухлою листвою
Праздник новоселья.
Вяжет иней кружева
Сказочным узором.
Серебром своим канва
Окружила город.

Последний звонок (Песня)

Отзвенел звонок последний
Эхом первого звонка,
И на партах на соседних
Тишина легка.

Ночь, последнее свиданье,
Шелестит июнь в садах...
До свиданья, до свиданья,
Школьные года.

В коридорах стихнет эхо.
А потом – уже без нас –
Перепомянут звонким смехом
Наш десятый класс.

Будем мы в дорогах дальних,
Разлетимся – кто куда...
До свиданья, до свиданья,
Школьные года.
И везде, где наши будни, –
Днём или в ночи –
Благодарны всюду будем
Тем, кто нас учил.

Не отвыкну любить

Любить, наверно, не отвыкну
Снегов раздолье по зиме!
С метелью первой гигикну,
да так, чтоб тополь зазвенел.
А ягод стынущих янтарь
вдруг вспыхнет где-то в белой мгле.
Ты не оставь меня, январь,
без белых вихрей на земле!
Я в круговерти зим застыну –
пусть сказки детства тормозат,
И, шапки белые надвинув,
застынут кручи Иртыша.
И пусть, как в детстве,
пальцы зябнут –
зато душа в снегах горит.
И с веток яблонь – вместо яблок
летят в сугробы снегири.

Баянаул

Зияющей тенью пещера,
Навалена груда камней,
И скалы, на сосны ощерясь,
Долго ползут ко мне.
В пещеру иду, к фантазии,
Послушать ветра гул.
В ней, может, путь под Азию
Средь каменистых скал?
Птиц не слышен щебет,
Шаг – и колено дрожит,
Сыплется под ноги щебень,
Да трещины словно ужи.
Да солнце тени движет,
Щурясь цепко в покат –
В древний, замшелорыжий,
Древнее, чем аксакал.
В темень устало вхожу,
Щупаю место ногой.
Романтикой я нахожу
Разжечь в пещере огонь.
Закроешь глаза: фантазия!
Слушаешь ветра гул...
Нет путей под Азию –
Здесь Баянаул.

* * *

В Иртыше я вижу лунный след,
Вижу – звёзды в бездну окунулись.
Поднимая звёзды на весле,
Лодка тихо бездну всколыхнула.
Парень удивился и вздохнул,
Ну, конечно, не без сожаленья,
Думал: эх, не звёзды всколыхнул,
А всего лишь ночи отраженье...

Моя мама

Моя мама – педагог.
Вот бы я таким быть смог!
Ходят к ней ученики,
Носят к ней учебники.
А у мамы есть очки,
Не очки – волшебники!

Сядет мама за тетрадь –
Ставит мама цифру «пять» –
Лучшая отметка!
Вот бы я таким быть смог –
Двойки б ставил редко!

Узоры на стекле

Эту тайнопись пейзажей
На застуженном стекле
Кто-то пишет, ткёт и вяжет
Много зим и много лет.
И орнаменты всех наций,
И картины всех веков
Каждый год без реставраций
Появляются легко.
Мастер яростный и дерзкий,
Без рецензий, аннотаций...
Восторгайтесь только, дескать,
Остального – не касаться.
Он бессмертен и велик,
Он безлик и многолик.
Время мчится, время мчится...
У него бы научиться!

В перелёт

Падает израненная птица,
Долго трепыхается у ног.
Надо ж так о провод ей разбиться!
Вот помочь бы...
Но никто не смог.
Ну, а стая ввысь рванулась резко,
Суетливо удаляясь в синь,
Потянулась к близким перелескам,
Выбиваясь из последних сил.
Только провод над столбами долго
В тишине предугртенней звенел...
И лежала в сквере перепёлка,
О которой перепел жалел.

Степь

Заря зардела на ветру,
и в синеву рассвет плывёт,
проснулись кюи – и от струн
над степью кинулись в полёт.
Чабан утихшую отару
встревожил щелканьем бича,
караторгай вдали растаял,
себя с лучами повенчав.
Ссылая трель невероятную,
он выше, выше к солнцу рвётся.
Я степь люблю,
я здесь уверовал,
что нету музыки без солнца!

* * *

Я до сих пор боюсь грозы.
Не потому, что мокну...
А капли – каплями слезы
Текут, текут по окнам.

Меня никто не обижал,
Я редко обижался.
К мальчишке папа
приезжал,
А мой отец сражался.

Прогрохотала та гроза
Жестокое по сердцам,
И я ночами звал назад
Своего отца...

Про Лёлю

Не сидит на месте Лёля,
Туфли ей купили зря:
То мешает брату Толе,
Вырвет лист с календаря,
То на старших закричит...
Заплетать свою косичку
Просит старшую сестричку,
Если нет – копна торчит.
Мама очень занята –
Гладит Лёле платье.
Лёля хнычет просто так,
Хоть ей и не плачется.
А под вечер говорит
Дедушке устало:
– Можно, чтоб Снегурочка
Навсегда осталась?

